

следует мультилингвизм в Финляндии и Скандинавских странах. В ней рассматриваются финско-шведские, лапландско-финско-шведские (норвежские) диалекты, устанавливаемые на основе анкетирования, которое включало 40 вопросов для билингвов и мультилингвов. При этом устанавливалось превалирование определенных языков в тех или иных функциональных сферах. Данные анкет подвергались статистической обработке с целью установления закономерностей проявления би- и мультилингвизма. В частности, были получены следующие результаты: шведский язык в рамках национального меньшинства в Финляндии является господствующим даже по сравнению с государственным финским языком почти во всех функциональных сферах. Подобного вывода нельзя сделать относительно лапландского и финского в Швеции и Норвегии. Оба языка используются только в регистре семейного общения. В остальных регистрах преобладает государственный язык (шведский или норвежский). В некоторых жизненных ситуациях, например, в официальных учреждениях и при использовании средств массовой информации, прежде всего телевидения, государственные языки вообще вытесняют финский и лапландский. Сейчас в Швеции и Норвегии создаются благоприятные условия для процветания лапландского языка, но, как считает автор, попытки сохранить и дальше развивать лапландский язык, возможно, уже запоздали.

Таким образом, целью данной монографии является комплексное исследование типологических аспектов билингвизма в Финляндии и Скандинавии (Фенноскандинавии) как части М Северного ареала. До Брадеан-Збингера все исследователи рассматривали языки северного ареала либо как проявление только ареальных, либо только социолингвистических отношений. Автор данной работы считает, что ареальные и социолингвистические исследования должны проводиться параллельно на основе явлений билингвизма.

Конкретный материал рецензируемого труда помогает высветить социолингвистические аспекты би- и мультилингвизма в общих чертах и в их конкретных проявлениях. Материал и результаты исследования можно приложить к другим многоязычным регионам.

В заключение мы хотели бы рекомендовать эту книгу широкому кругу специалистов по сравнительной типологии и ареальной лингвистике. Работа содержит ценный языковой и теоретический материал и дает импульсы для дальнейшего развертывания сравнительных исследований как близкородственных, так и неродственных языков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Clyne M.G.* Forschungsbericht Sprachkontakt. Untersuchungsergebnisse und sprachliche Probleme. Kronberg, 1976.

Никуличева Д.Б.

Войтенко А.Ф. Лексический атлас Московской области. М., 1990. 60 с. + 161 карта.

Развитие диалектологии немыслимо без разработки проблем лингвистической географии и создания диалектологических атласов. В русистике отмечается довольно парадоксальное положение: русская диалектологическая школа, достигнув несомненных успехов в области теории лингвогеографии и в разработке многих специальных аспектов этой многотрудной научной отрасли, оказав значительное воздействие на становление лингвогеографических исследований в межславянском и общеславянском плане, на развитие лингвогеографии сопредельных родственных

языков, прежде всего белорусского и украинского, не может поставить себе в заслугу энергичную и эффективную практическую реализацию собственных идей, выразившуюся в создании и издании достаточного количества региональных лингвистических атласов. Казалось бы, сама существующая ситуация – огромная территория, на которой распространен русский язык, его значительная диалектная дифференциация, которая, как полагают многие исследователи, в целом ряде моментов может отражать довольно древние диалектные различия, а также солидные традиции в изучении

диалектов и их истории, в подготовке квалифицированных специалистов и т.д. — должна обеспечить процветание лингвистической географии как составной части русского языкознания. Однако приходится с огорчением констатировать, что создание и публикация общезыковых и региональных атласов восточнославянских языков, в частности русского, остаются областью, далекой, хотя бы и в чисто количественном измерении, от того состояния, которое можно было бы признать удовлетворительным.

При этих обстоятельствах появление "Лексического атласа Московской области" А.Ф. Войтенко (далее — ЛАМО) — событие отрадное уже в силу самого факта публикации.

Нельзя сказать, чтобы говоры Подмосковья были предметом очень уж пристального внимания диалектологов. Скорее напротив: они не относятся к архаичным, консервативным диалектным зонам, которые преимущественно привлекают к себе это внимание, а находятся в самом центре великорусской территории и являются частично окраинами каких-либо диалектных зон, главная территория которых расположена за пределами Подмосковья, частично же результатом совмещения разнодиалектных признаков, т.е. являють собою как бы диалектный "перекресток", открытый всем ветрам. Тем не менее говоры Московской области интересны диалектологу и историку языка как основа в прошлом волей истории общерусского койне и далее — современного литературного русского языка. С точки зрения современного диалектного членения русского языка (см. [1, 2]) пространство Московской области занимают в основном восточные среднерусские акающие говоры (почти весь их отдел А и отчасти отдел Б); кроме того, на западе области ее граница охватывает небольшой участок Селигеро-Торжковских говоров западного среднерусского акающего массива; узкая северо-восточная окраина области затронута Владимирско-Поволжской группой восточных среднерусских акающих говоров, а север — Калининской (теперь, по видимому, ее ждет переименование в Тверскую), подгруппой той же группы; южная часть области вторгается на территорию Тульской подгруппы межзональной группы Б и слегка — на территорию Рязанской группы южновеликорусского наречия.

ЛАМО — итог многолетней работы

А.Ф. Войтенко (Ивановой) по собиранию и изучению лексики русских говоров Подмосковья, одним из результатов которой был изданный в 1969 г. дифференциальный диалектный словарь [3]. ЛАМО был создан по лексической программе, составленной на базе этого словаря.

Главная работа над атласом была завершена в 1974 г. Многочисленные трудности бюрократического характера, о которых автор упоминает в предисловии, помещали оперативному изданию ЛАМО. Изменения, вносимые в атлас, пока он ожидал своего выхода в свет, состояли только в замене цитатного материала более новым в комментариях к картам. Материал к ЛАМО собирался как непосредственно самим составителем, А.Ф. Войтенко (главным образом), так и ее помощниками — родственниками, коллегами, сотрудниками и студентами тогдашнего МОПИ им. Крупской, а также — с помощью анкетного метода — сельской интеллигенцией (по разосланной программе).

Построение атласа таково. Во вступительном разделе "От автора" (с 3-4) излагается история его создания, объясняются цели издания, а также структура комментариев к отдельным картам. Основную площадь текстуальной части атласа составляет комментарий к отдельным картам (с. 5-39, около 7 печ. л.). Далее следуют "Указатель слов в картах и комментариях ЛАМО" (с. 40-48), "Список обследованных населенных пунктов" (с. 49-57) в порядке их нумерации на картах атласа с указанием сельсовета и района, а также фамилий экспедиционных, "Алфавитный указатель обследованных населенных пунктов" (с. 58-59) с обозначением района и номера на карте.

К 1974 г., как сообщает автор, было обследовано по единой программе 1000 населенных пунктов. Однако в ЛАМО включены сведения, относящиеся к говорам трехсот пунктов (иначе густота сетки оказалась бы, согласно А.Ф. Войтенко, ссылающейся на мнение И.А. Попова, чрезмерной). Таким образом, плотность сетки составляет 156 км² на один населенный пункт, при которой среднее расстояние между ближайшими обследованными пунктами равно 12,5 км. Для сравнения: в сетке "Диалектологического атласа русского языка" один населенный пункт приходится на 225 км², а среднее расстояние между ними — 15 км [4].

Комментарии к отдельным картам строятся однотипно. В начало комментария выносится формулировка вопроса, как он звучит в программе по сборанию материала к атласу. Все вопросы являются лексическими, т.е. сконструированы по типу "Как называется...?" Карт, отражающих ответы на семантические вопросы ("В каких значениях употребляется слово...?"), в ЛАМО нет. Сам комментарий состоит, за некоторыми исключениями, из пяти параграфов: (1) приводятся наименования реалии, относительно которой задается вопрос, в "Словаре говоров Подмосковья"; (2) указывается, какие диалектные лексемы нанесены на данную карту; (3) описывается географическое распространение преобладающих наименований, определяются зоны, образуемые теми или иными лексемами, на территории Московской области; (4) приводится список названий, зафиксированных при сборе материала в разных населенных пунктах (указываются их номера по списку), но на карте отражения не получивших; (5) дается иллюстрация на употребление одной из засвидетельствованных на территории Московской области диалектных лексем с ее паспортизацией (при этом иллюстрации могут относиться к лексемам, не отраженным на карте!).

Первоначальный проект ЛАМО предполагал создание 400 лексемных, семантических, "изоглоссных" карт [5] (под "изоглоссными", видимо, понимаются карты, обобщающие данные нескольких карт, посвященных отдельным явлениям). В окончательном варианте "на базе 275 вопросов программы составлено 217 карт, из них публикуется 158" (с. 4). Исключены карты, "не давшие изоглоссы", а также карты, интерпретация которых затруднительна в силу неидентичности типов называемых реалий (например, различающихся устройством типов колодцев, приспособлений для разматывания пряжи и т.п.). Последнее обстоятельство можно было, на мой взгляд, предусмотреть на этапе составления вопроса и не только избежать вызванных им впоследствии затруднений, но и обратить его на пользу полноте и глубине результатов. Помимо того, во многих случаях интерес для диалектолога может представить и география самой лексемы — безотносительно к семантическому варьированию. Например, столь ли уж существенны семантические различия между фиксациями слова *шеверёнка*

"большая корзина из коры, прутьев или веревок для носки корма скоту" и "корзина, в которую клали кудель, веретено, мочки", если они суммарно занимают узкую полосу близ северо-восточной границы области (четыре пункта в Загорском, Щелковском и Ногинском р-нах; для первого значения — также словообразовательно более простое *шеверня* в Загорском р-не) и тем самым демонстрируют вполне определенное формальное и ареальное единство? (на соответствующих картах это слово не картографировалось; его ареал на территории Московской области покрывается более широким ареалом лексемы *верёнька*).

Круг значений картографированных в ЛАМО слов представляется довольно ограниченным. В основном это термины материальной культуры (названия строений и их элементов, утвари, орудий, транспорта, укладок снопов, кушаний) и названия явлений природы (растений, грибов, некоторых элементов рельефа, разновидностей леса). Нет анализа традиционных для диалектологических исследований на материале лексики наименований метеорологических феноменов (кроме зарницы), птиц, рыб; отсутствует ткацкая терминология и т.д., хотя можно предположить, что эти развитые и хорошо дифференцированные терминологические группы и подсистемы могут дать интересное распределение своих элементов и на территории Подмосковья. Обозначения из области духовной культуры представлены лишь терминологией элементов свадебного ритуала. Если исключить свадебную терминологию, то почти полностью отсутствует лексика социальных отношений (картографируются только слова со значениями "помочь, толока", "посиделки", "внебрачный ребенок" и "старая дева"). Нет в атласе глагольной, абстрактной, экспрессивной (кроме, пожалуй, слов, обозначающих "рваную, истрепанную одежду"), ономатопеической лексики, детского словаря, однако последнее вряд ли можно поставить в упрек составителю: анкетным методом (а значительная часть материала, как было сказано, собрана именно с помощью анкет) эту лексику в сколь угодно достоверном составе зафиксировать невозможно; даже собранный непосредственно в поле, в условиях вживания в обследуемый социум, такой материал во многом случаен и, как правило, непригоден для точного картогра-

фирования: выявление нетерминологического слова в лексиконе носителей данного говора затрудняется его меньшей семантико-парадигматической определенностью, возрастанием возможности синонимических замен, перифраз и т.д. Но что касается доминирующей ориентации ЛАМО на лексику материальной культуры, то нужно заметить, что эта традиция – не из тех, стойкую верность которым должно приветствовать.

Оценивая материал ЛАМО в рамках избранных для анализа лексических групп, следует отметить его обширность, детальность и во многом новизну. Индекс слов и фразеологических единиц, встречающихся на картах атласа и в комментариях к ним, включает приблизительно 3250 позиций, что по объему примерно сопоставимо с отдельным выпуском "Словаря русских народных говоров". Атлас существенно расширяет представления о лексическом составе говоров Подмосковья по сравнению со словарем, изданным тем же автором. Достаточно сказать, что если в словаре [3] было отражено только одно наименование "углубления в русской печи, куда стребают угли" – *поджёрник*, то в атласе (карта № 22 и комментарий) отмечено 59 слов с таким значением (включая фонетические, акцентологические, морфологические, словообразовательные варианты: *бокóвка, гáрнуша, горн, горно́, застрáнка, застрéнка, застрóнка, заўстье, зачелó, пырий, ўгольница...*); словарь дает 3 названия "приема пищи между обедом и ужином" (*пáўжинок, перехвáтка, перехвáток*), атлас – 41 наименование (№ 60, комм.: *пáўжин, пáўжина, подвечéре, подвечéрево, полудéнье, попóлдень, по́стник, сумёрник...*); в словаре – 2 фразеологизма, служащих вербальным обозначением "обрядо-даривания молодых на свадьбе" (*к сы́ру и на каравáй дава́ть*), в атласе – 62 слова и фразеологизма (№ 156, комм.: *блюдéчко серебрíть, мо́лево собира́ть, плати́ть поклáжные, ру́ку ма́слить, собéнку дари́ть, сы́титъ* и др.). Множество диалектных слов и фразеологизмов, сообщаемых в материалах ЛАМО, отсутствует в сводном "Словаре русских народных говоров". Приводить их в рецензии, даже простым перечислением, нет возможности – это заняло бы слишком много места. Таким образом,

значение ЛАМО как источника диалектной лексики и фразеологии велико и неоспоримо.

Среди подмосковной лексики и фразеологии, вводимой в поле зрения диалектолога и историка языка, можно обнаружить факты, позволяющие по-новому взглянуть на этимологию известных фразеологических выражений. Например, среди упомянутых фразеологизмов со значением "одаривать жениха и невесту" отмечается оборот *сыр-дар нести́*. Он заставляет предположить, что *бор* в *сыр-бор* словообразовательно связано с глаголом *братъ* – конверсивом по отношению к глаголам с корнем **da-* (*да(ва)ть, дар(ить)*), тем более что обозначения указанного ритуального одаривания включают множество фразеологических сочетаний с глагольными производными как от одного корня, так и от другого (помимо приведенных выше, ср. *на сыр дава́ть, на сыр пода́ть, дары́ дарить...* – *мо́лины братъ, на сыр собира́ть, сыры́ собира́ть...*). Иными словами, выражение *сыр-бор разгорелся*, вероятно, отсылает не к представлениям о сыром сосновом лесе, как то пытаются впускать Н.М. Шанский с соавторами, см. [6], а к обычаям дара-обмена, отголоски которых находим в брачном ритуале.

Из 158 карт 96 снабжены рисунками (автор – К. Соловьева), изображающими реалии, география названий которых анализируется на данных картах. Несомненно, в большинстве случаев без иллюстраций информация о семантике рассматриваемых слов была бы неполной и нечеткой (ср. детали печи, кухонную утварь, типы оград, сельскохозяйственные орудия и т.д.).

Находя в ЛАМО множество примечательных качеств и считая его появление в свет значительным событием в науке о русских диалектах, существенно обогащающим наши знания, я тем не менее полагаю необходимым большую, если не большую часть рецензии посвятить разбору просчетов, которые были допущены и при выработке концепции атласа, и в ее реализации. В науке доброжелательная, но придирчивая критика, на мой взгляд, гораздо важнее даже вполне заслуженных похвал.

В своей совокупности материалы ЛАМО дают возможность достаточно хорошо обрисовать членение территории Московской области по характеру распространения на ней различных групп

диалектной лексики. Однако сами карты полного представления об этом членении не дают: ими можно пользоваться только привлекая комментарий, где содержатся сведения о лексике, не нанесенной на карту. Дело в том, что А.Ф. Войтенко избрала несколько странный принцип вынесения информации на карту. В ЛАМО используется значковый метод представления данных, но каждый населенный пункт обозначается на карте единственным значком, отражающим только одно наименование данной реалии, даже если в этом говоре отмечено несколько синонимов ("дублетов", как их называет составитель), в том числе и картографируемых, но для других пунктов. При этом берется "...как правило, одно из наиболее распространенных названий реалии, выбранное из двух, трех, иногда четырех дублетов, независимо от того, является ли эта лексема диалектной или литературной. Мы старались, — отмечает А.Ф. Войтенко, — на карту вынести именно ту лексему, которая на территории Московской области входила в локальную зону или ареал" (с. 4). Такой способ картографирования делает неизбежными значительные потери.

Во-первых, ареал какого-либо слова или фразеологического сочетания может быть отражен на карте неполно. Например, карта № 158 "Девушка, никогда не выходившая замуж" изображает ареал фразеологизма *непётые волосы* разорванным: он запечатлен в девяти населенных пунктах и западу от Москвы и, по два пункта, в восточных Шатурском и Воскресенском р-нах. Между тем данные, помещенные в комментарии к карте, свидетельствуют, что этот фразеологизм характеризуется неплотным, но равномерно насыщенным ареалом, занимающим почти всю северную половину области. Еще пример: карта № 92 "Гриб валуй, *Russula foetens*" утверждает, что название *толкáчик* известно только на северо-западе области, в то время как исчерпывающее представление имеющихся данных об этом слове установило бы перекличку указанной территории с небольшим плотным его ареалом в далеком Зарайском р-не на юге. Из 158 тематических карт ЛАМО только 31 (№№ 2, 28, 29, 30, 31, 39, 41, 42, 58, 65, 72, 73, 75, 78, 86, 88, 91, 94, 111, 121, 122, 133, 135, 136, 139, 143, 147, 152, 154, 156), т.е. всего 20%, лишена

того недостатка, что картографируемые лексемы даны на них не исчерпывающим образом, и, следовательно, им можно вполне доверять по части строгости обрисовки ареалов по имеющимся данным.

Во-вторых, избранный способ картографического отражения лексики препятствует выявлению компактных самостоятельных ареалов, если слова, образующие их, подавляются господствующими здесь же более употребительными словами, составляющими широкие ареалы, и сама исследуемая территория в результате предстает скорее монолитом, чем разрезанной изолиниями. Так, атлас не выявляет любопытных ареалов слов *коблы* "участок плохо распаханной земли, содержащей большие комья, глыбы" (№ 58 — север: Клинский, Дмитровский, Солнечногорский р-ны), *стойки* "снопы, выставленные на гумне друг против друга для обмолота целами" (№ 65 — север), *бо́гот* "омут" (№ 118 — юго-восток: Коломенский и Зарайский р-ны, а также западный Шаховской р-н), *вершо́к* "овраг" (№ 119 — юго-восток), *колесня́* "яма на дороге, залитая водой в распутицу, глубокая колея, рытвина, ухаб" (№ 120 — плотный ареал в Зарайском р-не), *ты́сячник* "тысяцкий" (№ 141 — восток: по одному пункту в Пушкинском, Щелковском, Раменском и Орехово-Зуевском р-нах), *умывки* "хождение ржженных на второй день свадьбы" (№ 157 — к западу от Москвы) и др., ср. ранее упоминавшийся ареал *шеверий/шеверенька*. Я показал следствия из принятого в ЛАМО принципа отбора материала к картографированию лишь некоторыми отдельными примерами. Однако их можно без труда значительно умножить.

Вобщее складывается впечатление, что составитель атласа исходит из задачи не столько полно отразить ареалы диалектных слов, сколько дать представление о степени их употребительности в тех или иных минимальных говорах. Чем шире ареал какого-либо "дублета" из нескольких засвидетельствованных в данном населенном пункте, тем весомее в глазах составителя шансы именно этого слова быть помещенным на карту в виде отдельного значка. Упущения, непременные при следовании выбранному принципу, хорошо иллюстрируются картой № 17 "Угол избы". На всей территории господствует слово *угол*,

картографирование которого не представляет никакого интереса: слово распространено повсеместно. В п. 78 (Волоколамский р-н) оно по каким-то причинам не записано (трудно предположить, что оно там не употребительно), и "повезло" лексеме *воблань*, которая фиксировалась еще в одном пункте того же района и в соседнем Можайском р-не, однако в силу "преобладания" слова *угол* на карту не нанесена. Таким образом, волоколамский пример отмечен одиночным значком, небольшой, но выразительный ареал, в который он входит, картой не выявляется. С моей точки зрения, решение подобных проблем было весьма простым: ареалы всех отобранных к картографированию слов давать на карте без лакуи, помещая при номере населенного пункта по нескольку значков, если в его говоре имеются "дублеты".

А.Ф. Войтенко стремится к тому, чтобы на любой карте были отмечены все триста пунктов. Но при этом на карту могут попадать единичные фиксации, для ареальной картины не интересные. Так, на первой же карте атласа ("Постройка для хранения соломы, мякины") обнаруживаются семь таких единичных фиксаций (нас. п. 1, 13, 49, 142, 175, 187, 227), каждая из которых подана самостоятельным символом (некоторые из них можно объединить как фонетические и словообразовательные варианты производных с корнем *мяк-/мят-*, но в ЛАМО принят атомизирующий подход, и варианты не объединяются). Значок при п. 1 в легенде не истолковывается, что за название обозначено им, нельзя выяснить и по комментарию. На карте № 2 "Дом с двором, садом и огородом; усадьба" единичных фиксаций тоже семь (п. 29, 106, 116, 144, 186, 211, 239) – и опять же каждая дана самостоятельным графическим символом... Принцип неременного отражения хоть чем-нибудь каждого населенного пункта оборачивается перегруженностью карты.

Между прочим, отчетливо просматривающаяся установка "не от слова, а от пункта", исповедуемая в ЛАМО, чревата, помимо фактической подмены характера диалектного различия (непротивопоставленные различия представляют как противопоставленные), о чем говорилось выше, навязыванием

материалу особенностей, ему не свойственных. Например, в семантике. В программе ЛАМО имеются вопросы "Как называется большая корзина из коры, прутьев или веревок для корма скоту?" и "... для переноски картофеля?" Материалы карт № 130 и 131 в ответах на эти вопросы имеют название *корзина*. Ареал первого "значения" слова почти целиком вписывается в ареал второго. Это с несомненностью указывает на то, что специализированных обозначений *корзин* ("для картофеля", "для корма скоту") в этих местах нет – и то и другое значение в ответах на настоячивые вопросы эксплоратора передается общим наименованием *корзина*. Ту же насильственную терминологизацию можно увидеть и у слова *изба* "изба(!), в которой собиралась деревенская молодежь на посиделки" (№ 136, комм., 24 пункта) – скорее всего этого специализированного значения у слова *изба* нет, и оно упоминалось информантом в ряду других как косвенное речевое указание на неактуальность соответствующей терминологии, но было расценено собирателем как результат языковой специализации. Однако если слова *изба* в узком "значении" на карту вынесено не было (в отличие от слов *бесёдка*, *отхожая*, *раёк*, *съём* и др.), то слово *корзина* на картах обозначено, и это решение нужно, наверно, рассматривать как неудачное.

Неточности в формулировках вопросов программы также могут стать источником недоразумений и ошибок. Так, вопрос, ответы на который составили материал для карты № 94, звучит: "Как называется мелкий лес, то есть хворост?" Из вопросов, построенных аналогично (ср.: "Как называется гриб красного цвета, растущий в июле в осиннике, имеющий...", то есть осиновик?), видно, что его "толковая" часть ("то есть...") предназначена для собирателя и информанту не сообщается, чтобы не стать подсказкой. Выражение же "мелкий лес" отнюдь не тождественно значению "хворост". Вместо диалектного названия хвороста собирателю могут быть сообщены слова со значениями "кустарник", "подлесок", "лес-молодняк" и под. Среди картографированных лексем эти значения можно заподозрить у слова *частюк* (ср. *частюк*, *частик* в ответах на вопрос "Как называется кустар-

ник, зелень, обильно растущая где-либо, то есть заросль?", № 97, при этом *частюк* в последнем значении фиксируется в том же населенном пункте, что и "хворост", ср. еще рязан. *частіка* "заросли молодого леса" [7], ср.-урал. *частік* "мелкий густой труднопроходимый лес" [8] и под.).

В ЛАМО имеются некоторые шероховатости и неясности, касающиеся отражения диалектной фонетики. На карте № 3 "Огород... на задворках..." в п. 122, 124 и 182 отмечено слово *овощник*, но из комментария следует, что для этих пунктов вариант *овощник* не картографируется, уступив в конкуренции другим, — каким (*овощник*, *объшник*...)? Ошибка в комментарии или в выборе значка на карте? Действительно ли в говорах представлены нестяжешные ("орфографические") формы с *-eje-* в наименовании гриба свинушки *матвеевна* (№ 88) и в названии *сох́а-Андре́евна* (№ 73, орфография составителя)? К тому же неужели экспрессивное именование сохи "по имени-отчеству" функционально равноправно с терминами *сох́а*, *косу́ля*, *запо́лица*, *ора́лка* и др. (о персонифицирующих именовании см. [9, 10])? Написание *коплун* (№ 128 "Петух") может быть оправдано, хотя и с сомнением, произношением в окающих говорах, но вряд ли правомерно для отображения фиксаций на акающих территориях (южный Серебрянопрудский р-н). На карте № 141 "Помощник дружки (в свадебном обряде)" отмечается название *полудружка*, но от них отделяется некартографируемый вариант *полудру́жко*, приписываемый акающим говорам (южные Подольский, Зарайский р-ны). Имеем ли мы здесь дело с морфологическими различиями или же с непунктуальностью эксплораторов в передаче фонетического облика слова?

Не все благополучно в ЛАМО с отражением акцентологических вариантов. В одних случаях они тщательно разделяются (*ба́бки* — *баб́ки* "малая укладка снопов" № 66, комм.; *по́лымя* — *по́льмя* "пламя", № 103, комм.; *чапáльник* — *чапли́ник* "сковородник", № 33, комм.), в других — последовательно объединяются, не различаясь ни на картах, ни в комментариях (*ча́пáльник*, *ца́пáльник* "сковородник"; *па́у́жин* — (5 названий, различающихся суффиксами) "полдник", № 60; *по́мо́га* "коллективная

помощь, толока", № 68; *ска́пáлка*, *ца́пáльник* "орудие для сваливания, сгребания...", № 71; *пы́я́ница* "голубика", № 112...). К серьезным недостаткам следует отнести отсутствие грамматических сведений об анализируемой лексике. Нигде не указывается род имен существительных, ср. *берголо́вь* "голубика", *ва́ль* "бурелом", *гонобо́бель* и др. "голубика", *захле́сть* "неплодородная почва", *лохань* "кадка из половины бочки", *подбо́шь* "подосиновик", *посте́лень* "съемный плетеный кузов саней", *похме́ль* "обед на второй день свадьбы" (кстати, это слово обнаруживается только в указателе: ни на карте № 155, ни в комментарии к ней его нет), *рубе́ль/рубиль* "лопцало, валец для стирки белья", *ты́нь* "ограда из тычин", *часте́ль* "кустарник, заросль" и др. — далеко не для всех можно с легкостью "восстановить" грамматический род, например, по словарям: даже слово *лохань* встречается в мужском роде, ср. [11].

В анализе и картографической репрезентации неоднословных наименований нет необходимой четкости при различении степени их синтагматической слитности. Так, на многих картах и в комментариях к ним одновременно встречаются двусловные обозначения со структурой Adj + Nom (гипероним), и "одинокие" прилагательные, ср.: № 59 "Неплодородная почва": *бро́совая земл́я*, *запо́льная земл́я*, *неродя́щая земл́я*, *то́щая земл́я*, противопоставленные "одиноким" прилагательным *неухле́бенная*, *недороб́ная*, *неродима́я*; № 91 "Подберезовик": *се́рый гри́б*, *че́рный гри́б* — но *се́ренький*, *че́ренький*, *берё́зовый*, *подберё́зовый*; № 138 "Ребенок, родившийся у незамужней женщины": *жиро́вой* — но и *жирово́й ребёнок!*.. Нужно ли такой разноречивой понимать просто как излишнюю в ряде случаев обстоятельность при описании собственно только прилагательных, или же за этим стоят какие-то другие, не нашедшие здесь освещения причины? Неясно, насколько релевантен в представлении глагольных сочетаний порядок следования их компонентов (ср. № 152, в названиях-составляющих брачного ритуала: *выкупáть цвет* — но *ёлку откупáть*, *ёлочку выкупáть*; № 157: *курицу иску́ать*, *куро́чку иску́ать* — но *иску́ать куро́чку*, *нести́ куро́цу* и под.), и

не следовало бы в этих случаях добиваться унификации. Обязательна ли постпозиция прилагательного в выражениях *вьюн чёрный* "груздь черный" (№ 83), *кузов санный* (№ 135, комм.)?

Не исключено, что в материалах атласа фигурируют лексические фантомы. Можно заподозрить, что слово *сомельник* "сковородник" (№ 33, комм.) является результатом неправильного прочтения полевой эксплораторской записи — например, **сапельник* (в ряду таких лексем, как *чапельник*, *цапельник*, ср. вариативность *цапка* — *сапка* "мотыга", дезаффрикатизацию главным образом в южнорусских, уральских говорах, высмеиваемую в дразнилках вроде *куриса на улице яйцо снесла*). Не фантом ли слово *лупеликой* в выражении *лупеликой картошка* "неочищенная вареная картошка" (№ 125): вероятнее форма *лупешкой* (ср. *нелупешка* в том же ареале). Сомнения вызывает форма *цурáга* "пахта" — также *юрáга*, *вюрáга* (№ 121); вряд ли форма с инициальной аффрикатой отражает фонетические замены в языке — источнике заимствования (др.-булгар., собственно др.-чуваш. *угау* "сыворотка"; аффрикаты *ц* в чувашском, кроме новой заимствованной из русского языка лексики, нет). Она нуждается в тщательной проверке.

Занимаясь проблемами издания ЛАМО, составитель столкнулся с ограниченностью возможностей эдичионной базы. В атласе для выявления ареальной картины используются два типа варьируемости картографического знака — его конфигурация и цвет. К сожалению, полиграфические лимиты позволили использовать только два цвета — черный и красный. Как известно, с психофизиологических позиций цвет является более сильным различителем, чем конфигурация знака: значки разного начертания, но одного цвета, зрительно воспринимаются как репрезентанты некоего общего качества и противопоставляются значкам другого цвета, которые тем самым тоже объединяются. А.Ф. Войтенко (или издатель, если это зависело не от автора) не всегда учитывает эти особенности зрительной перцепции. Например, на карте № 4 красным кружком выделяется слово *овшáник*, черными значками — все остальные 15 названий для помещения

для мелкого скота (6 корней, из них с корнем *-мш-/-мош-* — 5 названий). Выделение варианта *-вш-* из всего круга данных наименований выглядит неоправданным. На карте № 24 "Печная вьюшка" красным цветом, резко отличным от других знаков, выделено явно второстепенное, позднее и не образующее никакого ареала слово *фóрточка*. На карте № 56 "Одежда, платье вообще" красным выделено только слово *снаря́да*, другие же производные с корнем *-ряд-*, в том числе и существительные I-го типа склонения (*снаря́д*, *сря́д*, *обря́д*, *сря́да*, *наря́да*, *обря́да*), объединены черным цветом со словами *оде́жа*, *оде́жина*, *оде́вка*, *спра́ва*. Карта № 108 "Крапива, *Urtica dioica*" красным кружком выделено слово *жéга́ла*, однокоренное же с ним слово *жéгу́чка* сливается со словами *крапéва*, *крипи́ца*, *капрéва*, *красну́ха*, *стрекáва* и др. Примеры такого рода можно увеличить.

Недостаточно продуманной представляется и система конфигураций, когда значки, соответствующие, допустим, разнокорневым производным с идентичным суффиксальным оформлением, не имеют в начертании ничего общего (ср., например, бессистемность в символической передаче слов *глядéльщик*, *глядя́щий*, *смотре́льщик*, *смотре́ющий* "зритель, зевача на свадьбе", № 143).

К техническим неудобствам атласа нужно отнести расположение номеров карт (набранных крупным кеглем!) на левой стороне страниц, у самого сшива. При расположении самих карт только на правой половине разворота книги поиск необходимой из них был бы облегчен помещением номера справа, у края страницы (место, занимаемое рисунками).

Атлас завершается двумя "вспомогательными" картами (№ 159, 160), "...в которых приводятся примеры того, как членятся говоры Московской области по данным лексемных карт" (с. 4). Естественно было бы ожидать, что на этих итоговых картах будут изображены пучки и з о г л о с с, образующих те основные сгущения границ ареалов, которые позволили бы выделить зоны, относительно однородные по ц е л о м у ряду языковых (в данном случае лексических) признаков, и тем самым создать базу для установления диалектного членения территории в

целом. Однако составитель приводит на этих последних картах именно приме-ры отдельных изолекс (не всегда, кстати, проведенных точно в согласии с данными "лексемных" карт и комментариях), без малейшего стремления в их хаосе обнаружить некоторые взаимные тяготения, более или менее устойчивые повторения. Напротив, изолексы для "вспомогательных" карт подбираются так, чтобы территория области покрылась ими равно-мерно, сетью с примерно одинаковой густотой линий и величиной "ячеек". Каким образом при таком отборе изолекс "обе карты дают представление о том, что локальные зоны и ареалы совпадают с границами племен (! — Ж.А.), уделов, более поздних группировок населения" (с. 4), остается совершенно неясным. Более того, последнее утверждение не подкрепляется никакими ссылками на исторические факты и остается вполне голословным (обещанной в предисловии "...без номера в конце атласа... карты, составленной учеными смежных наук — археологами, историками...", с. 4, в ЛАМО тем не менее нет).

Между тем очевидно, что возможности выявления пучков изолекс атлас А.Ф. Войтенко, при всех его особенностях, о которых речь шла выше, дает. На карте № 160 проведена линия, ограничивающая распространение слова *мастюшка* "небольшой горшок, в котором варят кашу" и выделяющая самые восточные говоры Московской области (Орехово-Зуевский, Шатурский, Егорьевский р-ны). Правомочность вычленения этой зоны можно было подтвердить начертанием близких изоглосс, например, слов *мости́нка* "ступенька крыльца", *пря́то* "промежуток между печью и стенами", *целó* "чело печи", *вёшалó*, *повешáло* "жердь вдоль плеча печи", *тычи́шник* "тип ограды", *столбу́н*, *столбу́нec* "большой глиняный горшок", *полóнка* "половник", *ставóк* "подставка для лучины", *бесик* "жилет на меху, на вате", *глыбник* "плохо распаханная земля", *остóжье* "нижний пласт сена в стогу", *дубови́к* "белый гриб", *берёзовик*, *целых* "подберезовик", *меля́тник* "молодой лес", *сто́пка* "полевой хвощ", *медве́жник* "волчье лыко" и др. Диагональное членение области с противоположением северо-западной ее

части юго-восточной устанавливается не только изолексой *суши́льник* "колосники", как это отмечено на итоговой карте № 159, но и ареалами слов *грабáлище* "рукоять грабеля", *ольша́тник* "ольховый лес", *водовер́ть* "водооборот", названий картофельной запеканки с корьями *яблон-*, *яблоч-*, *однобрю́шники* "близнецы", особенно ярко — свадебных терминов *пирю́ющие*, *пировые* "все участники свадьбы", *выкупáть ко́су*, *обызривáть невесту* и т.д. Только "суммирование" подобных изоглосс может быть убедительным в попытках установления и графической передачи диалектного членения некоей территории. Полоса говоров вдоль северо-восточной границы области, принадлежащих Владимиро-Поволжской (окающей) группе и ярко отличных от остальных подмосковных диалектов не только вокализмом и некоторыми морфологическими явлениями (местоимение, глагольная флексия), но и в лексической сфере, выделена на карте № 160 единственной изолинией, ограничивающей распространение слова *тол-лю́шка* "непарадная, проходная компата, служащая кухней" (и воспроизведенной здесь с серьезным искажением ранее выявленного ареала, ср. карту № 9). Опираясь на данные ЛАМО, отличия этих подмосковных говоров от прочих можно подтвердить не менее чем двумя с половиной десятками изолекс. Игнорирование столь заметных явлений делает необъяснимой цель заключительных обобщающих карт атласа.

Нельзя предъявлять автору рецензируемой работы упреки в неосуществлении целей, которых он перед собой не ставил. Однако для более полной характеристики обследованных говоров, обрисовки их связей с другими зонами великорусской территории желательно было бы иметь указания на распространение картографированных слов за пределами Московской области, хотя бы, например, по "Словарю русских народных говоров" и под. Без разысканий подобного рода синхронная диалектная картина русского центра, а далее — история сложения среднерусских говоров не будут в достаточной степени аргументированными. Можно предположить, что эти задачи будут решаться в последующих работах, обращенных к лексике говоров Подмоскovie,

в том числе и работах А.Ф. Войтенко.

Я прекрасно отдаю себе отчет в том, что написание критической рецензии — дело несравненно более простое и легкое, нежели создание диалектологического атласа. Несмотря на недочеты ЛАМО, среди которых присутствуют и весьма, на мой взгляд, серьезные, Лексический атлас говоров Московской области — издание полезное и, безусловно, окажет стимулирующее влияние на развитие лингвогеографических исследований в нашей стране.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Русская диалектология. М., 1964.
2. Захарова К.Ф., Орлова В.Г. Диалектное членение русского языка. М., 1970.
3. Иванова А.Ф. Словарь говоров Подмосковья. М., 1969.
4. Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. I: Вступительные статьи. Справочные материалы. Фонетика. М., 1986. С. 7.
5. Иванова А.Ф. Лексический атлас Московской области (Северные ареалы) // Лингвогеография. Л., 1983. С. 128.
6. Шанский Н.М., Зимин В.И., Филиппов А.В. Опыт этимологического словаря русской фразеологии. М., 1987. С. 102.
7. Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области). М., 1969. С. 593.
8. Словарь русских говоров Среднего Урала. Т. VII. Свердловск, 1988. С. 18.
9. Чернышев В.И. Разыскания и замечания о некоторых русских выражениях // Докл. и сообщ. Ин-та русского языка. Вып. 1. М.; Л., 1948. С. 15–17.
10. Пеньковский А.Б. Русские персонализирующие именованья как региональное явление языка восточнославянского фольклора // Лексика и грамматика севернорусских говоров. Киров, 1986. С. 135.
11. Словарь русских народных говоров. Вып. 17. Л., 1981. С. 160.

Журавлев А.Ф.

Войтенко А.Ф. Лексический атлас Московской области. М., 1991. 60 с. + 160 карт

Названный атлас является результатом многолетней работы автора по изучению лексики говоров Московской области. Эта работа была начата в 1959 г., и первым итогом ее явился опубликованный в 1969 г. "Словарь говоров Подмосковья", получивший признание среди широких кругов исследователей русского языка. Однако известно, что ни один областной словарь не дает полного представления об ареалах слов и значений. Поэтому автор продолжил трудоемкое изучение лексики Подмосковья, которое завершилось составлением "Лексического атласа Московской области" (ЛАМО). Работе над атласом предшествовало опубликование компактной, но содержательной программы собирания сведений для ЛАМО [1], обеспечившей в дальнейшем успешное завершение создания атласа. По этой программе работал большой коллектив студентов факультета русского языка и литературы Московского

областного педагогического института под руководством А.Ф. Войтенко. Значительная часть собирательской работы была проведена самим автором, причем многие населенные пункты обследовались неоднократно, что позволило создать надежную базу для разработки атласа. Атлас явился лингвистическим и историческим памятником народного языка нашего времени. В нем продолжены на современном уровне традиции создания региональных лексических атласов русского языка [2, 3].

Весьма ценно, что в атласе представлена территории центральной России, территория, прилегающая к Москве и, следовательно, наиболее подверженная нивелированию диалектных черт. Это не только обусловило трудность собирания материала, но, как показывает ознакомление с атласом, многократно увеличивает его значение, так как в нем зафиксирована и сохранена для